

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

СТОНЫ СТРАНЫ

ДЕПУТАТСКИЙ ДНЕВНИК

Поток отчаяния

Я не сгущаю краски, я просто читаю обращения и отвечаю на них тем, чем могу.

Оглаской и депутатскими запросами.

Северодвинск закрывают из-за кошмара эпидемии. Но сколько до этого нужно было взывать к государству...

Рассказывает северодвинка Ирина Суханова, молодая мать годовалых тройняшек, получившая инсульт, поскольку её до последнего не брали в больницу с ковидом: “Мы заколочены, закрыты с другой стороны, только через окно могу орать, просить о помощи. Мне измерили температуру 39,2, начались судороги, а врач говорит – кроме парацетамола, ничего вам дать не могу. Нет ничего у них тут. Вы знаете, в чём здесь ходят медсёстры на ногах? У них брезентовые клеёнки коричневые – их подстилают больным, которые писаются. Они примотаны бинтами к ногам. Терапевты в приёмном покое просто падают в обмороки, врачей практически нет, три медсестры в одном отделении. Врачи орут, ругаются – говорят, кричите, стучите, куда только можно, рассказывайте, что здесь творится!”

А вот вести с Алтая.

Там под шумок сокращают отделение ортопедии и травматологии краевого клинического центра охраны детства и материнства.

Сокращение лихое – со 106 прежних койко-мест для детей до 50.

А всем врачам – травматологам Сергею Рубелю, Александру Шмату, Валерии Шумилиной, заведующему отделением, доктору медицинских наук, профессору, главному детскому ортопеду и травматологу Арсену Осипову – были предложены новые вакансии: санитаров, уборщиков и дворников.

Это, по всей видимости, лучшее применение врачам, делающим уникальные ортопедические операции детям со всего края. В отделении оперировали детей с тяжёлыми пороками развития грудной клетки и другими патологиями с 1984 года.

А вот очень типичное письмо из Тульской области, по поводу которого тоже направил запрос в Прокуратуру.

“Пишет вам Ирина Анохина. В нашем Богородицке из-за COVID умерла моя мама Ковшова Александра Алексеевна. Тесты никому не делали, хотя болели все проживающие с ней: две дочери и внук. (Диагноз был именно такой, не только по симптоматике, но и по тесту на антитела, который сделала одна из моих сестёр по выздоровлении).

Официальный диагноз – ОРВИ. Причина смерти в свидетельстве – хроническая почечная недостаточность. “Скорая помощь” маму не забрала: “Мы её не довезём”. Сейчас заболел ещё один родственник. Температура 39,5. Приехавший фельдшер (теперь врачи не приезжают) поставил бронхит и назначил флюорографию и приём антибиотика. Опять ни намёка на тестирование и КТ. А человеку за 60. И он в контакте с женой, детьми и внуками. А им что делать?”

А вот обращение сотрудников курского областного детского санатория. Не получают ни копейки уже два месяца. Должны получать 12 тысяч, надеются хоть на 6 тысяч, но денег не видят никаких. “У нас у всех есть дети... Есть больные родители. Ни в отпуск нельзя уйти, ни зарплату получить. Кто попал в больницу, больничный не оплачивают. Как нам быть? Голодать?”

Понимаю, что чиновники злятся на меня за огласку и запросы.

Но меня совсем не волнуют моральные страдания чиновников.

Есть поток отчаянных писем обычных людей, которых нужно спасать от гибели.

И я обязан быть спасателем – настолько, насколько получается.

Без книг мир будет дик

Без книг померкнет России лик.

Хорошая новость буквально по следам того, о чём я писал, в том числе и премьеру на депутатском бланке.

В последний момент постановлением правительства книжная отрасль отнесена к сфере деятельности, наиболее пострадавшей от эпидемии.

Включение в этот список подразумевает доступ к льготному кредитованию, отсрочки по налогам и взносам и другие меры поддержки для книжных магазинов.

Ведь 80 процентов продаж книг идут именно через эти магазины. Причём падение доходов издателей уже составило 48 млрд рублей, а дистрибьюторов печатных СМИ – 30 млрд.

Да, то постановление, которого удалось добиться, – это уже достижение.

Впрочем, над издательствами – и небольшими, и крупными тоже – по-прежнему нависает тень разорения. Речь не только о книгах, но и об учебниках. А значит, об образовании в стране как таковом.

Наверняка прямо сейчас на карантине пишутся книги, которые потом будут читаться с наслаждением. Вопрос – кем.

Крик книг лично я слышу отчётливо.

Книга может так подорожать, что станет недостижима для большинства и читателей, и библиотек. И поверьте, электронная книга точно так же окажется труднодоступна. Платформы начнут значительно меньше платить издателям и при этом накручивать цену.

Проблема в последствиях атаки вируса. Вернее, в том, будет ли на него контратака государства. Сможет ли оно защитить малый и средний бизнес, село, производство, науку, культуру и образование. Или распишется в беспомощности. Или, что ещё страшнее, последуют фарисейские обещания, которые не станут выполнять.

“Даже в пекле надежда заводится”

Название этого текста – первая строка колымского стихотворения Юрия Домбровского “Амнистия” – про Богородицу, которая “ходит по кругу проклятому” и “каждому пятому ручку маленькую подаёт”.

Пекло – сильное слово. Но если в неволю придёт ещё пандемия, оно будет самым верным.

*А под сводами чёрными, низкими,
Где земная кончается тварь,
Потрясает пудовыми списками
Ошарашенный секретарь.*

*И кричит он, трясясь от бессилия,
Поднимая ладони свои:*

— Прочитайте Вы, Дева, фамилии,
Посмотрите хотя бы статьи!

Читаю жалобы от заключённых. В их письмах и сообщениях — большая тревога из-за опасности заражения.

Я внёс в Госдуму предложение об амнистии к 75-летию Победы. Проект, обдуманый вместе с квалифицированными юристами и серьёзными правозащитниками. Секретарю незачем трястись. Речь о несовершеннолетних первоходках, об инвалидах, о беременных женщинах, осуждённых за незначительные деяния.

И о попавших после “московских протестов” тоже речь.

Провести амнистию к юбилею Победы мне кажется логичным. Так уже делали раньше. А что мешает проявить элементарную человечность теперь?

По-моему, та или иная форма амнистии особенно актуальна сейчас, когда эпидемия представляет угрозу всем, но тем, кто в заключении, особенно.

Зная, что в тюрьмах и на зонах должным образом не соблюдаются санитарные нормы, да и вообще с медициной плохо, надо отдавать себе отчёт: попадание вируса в места лишения свободы может привести к страшным последствиям.

Кстати, в Индии и Иране, в США и Франции уже пошли по пути освобождения части узников в разных вариантах, в том числе по амнистии.

Понятно, всегда при таких решениях есть риски и сложности.

Всё надо обсуждать, но честно и человечно.

Честно, человечно и незамедлительно.

Я кричу:

— Ты права, Богородица!

Да прославится имя Твоё! —

воскликнул лагерник Домбровский.

Да, у тех, кто предлагает никого не выпускать, найдутся аргументы.

Как находились и у тех, кто не хотел приравнивать день в СИЗО к двум в колонии-поселении и полутора в колонии общего режима.

Как есть и те, кто оправдывают пытки и истязания и провалил мой закон о доступе сотрудников уполномоченного по правам человека в тюрьмы и лагеря.

Или суеверно считают любого зека исчадием ада, полагая, что суд, где меньше 1% оправданий, их уж никогда не приговорит.

Сейчас разговор не просто о милосердии, а о защите тысяч и тысяч жизней.

Разбой в степи

И вновь борьба с оптимизацией. Занят очередным спасением школы. Можно абстрактно обличать негодников-разрушителей, никому не помогая и ничего не делая, ведь отдельные истории якобы не поменяют общего положения дел. А можно и, по-моему, нужно спасать всех, кто прямо сейчас нуждается в спасении, — живых, реальных, с именами, судьбами, болью, — и через отдельные истории несчастья, борьбы и защиты показывать беду масштабную.

В Алтайском крае, в Кулундинской степи, в Волчихинском районе стоит село Пятков Лог. И хотя живёт в нём всего 350 человек, жители сумели сохранить до сегодняшнего дня среднюю общеобразовательную школу, фельдшерско-акушерский пункт, дом культуры, детский сад, отделение “Почты России” и даже библиотеку.

Теперь в селе хотят ликвидировать школу.

Конечно, следом закроются и ДК, и библиотека.

Более 100 жителей поставили свои подписи под обращением с просьбой школу сохранить. Не будет школы — не будет села. Это не просто теория. Против закрытия школы резко выступает, например, глава местного совхоза, который всерьёз опасается массового оттока работников. Уже в эти дни 15 семей собираются сменить место жительства, чтобы успеть пристроить детей в другие школы к началу учебного года.

Чиновники предложили возить детей из Пяткова Лога в село Коминтерн на автобусе. Расстояние между селами – 12 км.

А знаете, какова она зимой, сельская дорога в Кулундинской степи? Там неделями не может пройти никакой транспорт, кроме спецтехники. А если остаться в степи на ночь? В этом году Алтай засыпало снегом, федеральные трассы были закрыты из-за снежных перепадов, и выросли стены высотой 5–7 метров.

В общем, искренне надеюсь, что после моих запросов школа будет спасена.

“А теперь меня вырвут с корнями”

Я упоминал уже эту историю в своей телепрограмме “Двенадцать”. Хочется написать подробнее.

В Казани удалось вернуть домой девочку из приюта.

Отбирать детей, разрушать семьи, разлучать родных – это всегда крайнее решение. Я в этом убеждён. Но это часто невдомёк чиновникам.

Жительница Казани Екатерина Сафина была лишена родительских прав, и у неё отобрали двух маленьких дочерей Машу и Мелиссу.

Одна из причин – женщина “официально нигде не работает”. Оказываясь, аргументами в пользу изъятия детей стали долги по ЖКХ и попытки добиться материальной поддержки от органов опеки.

Я постоянно на связи с Екатериной. По-моему, достойная, искренняя женщина, столкнувшаяся сначала с разбоем, а потом и хамской ложью чиновников. Кстати, с 2007 года она трудится в храме.

Но у девочек есть и горячо любящая их бабушка Ирина Алексеевна Гаврилова, желающая их воспитывать и с ними жить. Казалось бы, к ней должна была прислушаться опека и по закону, и по-человечески.

Но вот реальность: рыдающие мама, бабушка и девочки – и хладнокровные твердокаменные чиновники.

Детей почему-то спешно отправили в приют. Машу успели уже отдать другим людям, а пребывание Мелиссы в детдоме затянулось. Там, по её рассказу, подтверждённому другими воспитанницами, она подверглась издевательствам и домогательствам, из-за чего возбуждено дело.

Девочка присылала из своего заточения душераздирающие аудиосообщения. “Забирают нас просто так. Из-за того, что мы просто не можем погасить долги. И всё... Я не понимаю: это за что? За то, что мы дети? Это получается моральное издевательство над детьми. Раньше я была счастливой девочкой, а теперь меня вырвут с корнями”.

И вот решение суда – Мелисса освобождена из детдома и воссоединилась с родней. Её бабушка наконец-то признана судом опекуницей.

Девочка очень-очень счастлива. Говорит, что мечтала об этом – обнять близких.

Екатерина пишет в “Инстаграме”: “МЫ ВМЕСТЕ! Всех люблю, благодарю от всего своего материнского сердца! Московский депутат Шаргунов Сергей откликнулся на мою беду официальным письмом в прокуратуру. А когда позвонили из прокуратуры, мне вообще не верилось... Сколько мы пережили, не передать словами, ничем не передать! Доченька, больше никто не посмеет тебя забрать, и сестрёнку твою вернём”.

Выясню судьбу второй девочки, Маши. Что с ней? Почему вскоре после попадания непонятно к кому она загремела в больницу?

Как бы хотелось, чтобы у этих людей всё было хорошо, а органы опеки думали о том, как помочь тем семьям, где не всё благополучно, а не ломали по живому.

“Оставьте нас в покое!”

Похоже, на карте страны скоро появится ещё одно пустое место. Деревня Леоновка Большесолдатского района Курской области. Все те несколько сотен жителей, которые в ней есть, умоляют о пощаде. Со слезами.

От колхоза остались руины, медпункт и почта закрыты, а теперь хотят уничтожить школу, и значит, умрёт Леоновка.

Это при том, что коллектив полностью укомплектован яркими и заботливыми педагогами. Чистая и светлая двухэтажная школа в небольшой деревне могла бы быть национальной гордостью.

Ровесница века, она возникла ещё в 1900 году. В 1969 году её расширил и перестроил председатель колхоза “Светлый путь”.

Её подновляют и берегут общими усилиями деревенских, местный фермер помогает. В школе – большая библиотека, музей, спортзал с тренажёрами и теннисным столиком, брусья, лыжи, компьютеры, столовая. И домашняя атмосфера.

Передо мной протокол собрания жителей деревни Леоновка.

Начальство, взявшее “территорию”, доходчиво объявляет “населению”, что его ждёт.

И ответный голос народа, униженных русских людей... Читается как документальная пьеса.

Слушали замглавы администрации района Нескородеву О. М., которая объявила, что Леоновская основная общеобразовательная школа “подлежит ликвидации”.

Никаких претензий к работе коллектива школы и её техническому состоянию нет. Но надо закрыть из экономии. “Это событие неизбежно. Губернатор при посещении района говорил, что маленькие школы будут закрываться. Что решило население, никакого значения не имеет”. Цитата из протокола!

“На вопрос директора школы, как будут трудоустроиваться работники, было сказано, что всё, что можно предложить, – это 0,25 ставки сопровождающего детей в автобусе и, если разрешат открыть ставку посудомойки, то 1 работник столовой будет устроен”.

Учителя и родители возроптали

Учитель начальных классов Кононова Н. Е.: “Как же так получилось, что мы никому не нужны? Недопустимо возить детей в другое место. Дети маленькие, им надо рано вставать, идти до автобуса, потом ехать, дороги не чистят, тракторов нет. Домой начальные классы попадут гораздо позже, ожидая, пока закончатся уроки у старшеклассников. А уставшие дети – это неуспевающие ученики”.

Плотникова А. С. сказала, что недавно стала многодетной мамой, родила третьего ребёнка и надеялась, что будет работать в школе и дети будут в ней учиться. Теперь всё кончено.

Голодова Татьяна: “Мы многодетная семья, в этом году третий ребёнок идёт в 1 класс. Получается, дети накладны государству... Вы закрываете то, что строилось нашими людьми”.

Бабушка Белоусова Елена: “Моему внуку надо ещё пешком 2 километра до остановки. Каким он приедет на занятия? Вы вынуждаете меня отдать ребёнка учиться в интернат”.

Нефёдова Анастасия, многодетная мама: “С этими перевозками дети вообще учёбу запустят. У нас прекрасные учителя. Оставьте нас в покое!”

Бабурина Ирина: “Я многодетная мать, у меня пятеро детей, двое своих и трое приёмных. Один ребёнок – инвалид I группы. Он не выдержит переездов...”

Белоусов В. В.: “Такое отношение к народу – большой грех. У нас одна школа для людей только и осталась. “Скорую помощь” оказываем друг другу, кто как может. Каждое утро проходя мимо своей брошенной школы, дети вырастут с уверенностью, что нужно уезжать из родного села. Уедут все, а старики помрут, вы не оставляете деревне Леоновка ни одного шанса на выживание”.

Директор школы Кононов А. И. рассказал, как сами ученики и жители строили школу своими руками. После её ликвидации здание сразу же подвергнется разграблению, зарастёт бурьяном, как почта и медпункт. “Это очень больно. Лучше бы вернули медпункт и почту, а не отнимали у жителей последнее...”

Сделаю всё, чтобы спасти школу в Леоновке и чтобы деревня эта жила.

Приговор должен быть отменён.

Это вопрос не про одну только Леоновку: сохранить или потерять?

9 рублей и 5 копеек

Любые деньги для родителей с детьми, – конечно, благо.

Но тем временем ко мне поступает немало обращений несчастных женщин, которым отказывают в выплате ежемесячного пособия на детей от 3 до 7 лет, положенного по Указу президента от 20 марта этого года. Почему-то у многих, кто ранее был признан малоимущими, по неким новым критериям находят лишние копейки доходов, и на этом основании отказывают в помощи.

Елена Кулькова, мама 6-летнего ребёнка с инвалидностью. В справке управления соцзащиты населения Воскресенского района Нижегородской области зафиксирован её среднедушевой доход 8 498 руб. 34 коп. В социальной поддержке женщине отказано – ей приписали дополнительные рубли и копейки, перекрывающие прожиточный минимум.

Величина детского пособия зависит от региона, но в среднем – 5 тысяч с небольшим. Оно выплачивается согласно Указу в случае, если размер среднедушевого дохода семьи не превышает величину регионального прожиточного минимума.

А на практике органы социальной защиты бесчеловечно-формально подходят к решению о назначении этих выплат.

Вот, например, Анастасия Оголихина, одинокая мама из Башкирии. “Семья состоит из 3-х человек. Сын – 5 лет, дочь – 7 лет. В разводе. Получаю пенсию по уходу за ребёнком-инвалидом. Официально не работаю. Алименты не получаю”.

Чиновники посчитали доход её семьи, составивший 9813,05 рублей, а величина прожиточного минимума в регионе – 9804,00 рубля. На основании того, что доход превысил прожиточный минимум аж на 9 рублей и 5 копеек, Анастасии отказали в выплате пособия!

При этом оно в Башкирии менее 5000.

То есть на сумму меньше 10 000 предлагается выживать и тянуть двоих детей, один из которых инвалид.

Направил запрос в Правительство Республики Башкортостан.

Другой женщине из Барнаула отказали в выплате из-за того, что её нищета аж на 500 рублей приподнимается над самым низким уровнем.

Проблема масштабная. О какой поддержке семей и деторождения можно говорить при таком отношении?

Чиновный формализм – дикий, жестокий и бесстыжий. Буду заниматься каждой такой историей.

Большая уголовка

Трагические вести приходят из Подольской городской клинической больницы. И не только оттуда.

Если врачи заражаются и умирают, и у них не было средств защиты – это уголовка, это преступление.

Я уже рассказывал о тяжёлой ситуации в Щиграх, городе в Курской области. Сначала пришло письмо медиков оттуда. О нехватке простейших средств защиты. И о страхе заболеть. “Что сами пошили, тем и пользуемся. Больных ковидом возим без средств спецзащиты. У всех у нас семьи, и дети, и старики. Что нам делать? Почему нас ставят перед выбором: бросить больных или заражать свои семьи?”

Такие же письма приходили из многих других регионов, в том числе из разных населённых пунктов Курской области.

А потом пришли новости, что врачи заболели: “У двенадцати медиков высокая температура, у пяти уже обнаружили вирусную пневмонию, ещё у одной уже подтверждён Covid-19. Кроме того, восьмого мая пришли положительные анализы всех работников регистратуры”.

Немедленно чиновники засуетились. Стали всё внушительно опровергать, устроили балаган с внезапной проверкой больницы и будто бы обнаружением завалов всего необходимого. . .

А я, как и обещал, направил официальные запросы в Прокуратуру.

И вот – ответ:

“По результатам проверки выявлены нарушения законодательства, выраженные в нерегулярной выдаче средств индивидуальной защиты медицин-

ским работникам... Аналогичные нарушения прав медицинских работников выявлены прокуратурами Большесолдатского и Обоянского района, Сеймского административного округа Курска... Установлены факты непроведения еженедельного лабораторного обследования медицинских работников на COVID-19”.

Проще говоря, врачи болели, многие продолжая работать, а их даже не проверяли на болезнь.

После моих запросов Прокуратурой “внесено представление” губернской власти. Это уже что-то. И надеюсь, начало.

По всей стране должны быть наказаны те, кто наплевательски отнёсся к жизням врачей и пациентов.

И не надо расслабляться. Каждый день я на связи с Минздравом, пробивая тесты и госпитализацию для новых и новых заболевших. Об этом печально не говорить, просто поверьте – это так.

“Чуть его не потеряли”

Писатель, как известно, не врач, но боль. Впрочем, и депутатские возможности не позволяют заменить собою врача.

И всё же буквально каждый день занимаюсь теми, кто нуждается в срочной медицинской помощи. Она по-прежнему требуется многим и многим.

Печально, когда сообщают о необходимости средств индивидуальной защиты врачи и даже присылают фотографии тяжёлых условий работы, но подписаться под обращениями боятся. И как тогда помочь?

Или вот – ужасное и будничное.

В Подмосковье врач погиб от коронавируса, но чиновники этого не признают.

“Факт инфицирования сотрудника Covid-19 при исполнении трудовых обязанностей не установлен”.

Это анестезиолог-реаниматолог С. П. Корнусов. Фонд социального страхования отказал в компенсационной выплате его родственникам.

Передо мной рапорт заведующего отделением больницы. Он пытается доказать, что коллега заразился именно на работе: “Многие больные находились на лечении пневмонии COVID-19 с дыхательной недостаточностью либо заболели уже в больнице... При этом в операционной средства индивидуальной защиты не были предусмотрены...”

Сейчас выбиваю выплаты семье погибшего врача.

А вот обращение из Барнаула родных и друзей заболевшего человека: “В больнице (!) практически при смерти без должного лечения и внимания медиков лежит молодой сорокалетний мужчина, отец четверых детей, один из лучших ветеринаров города, не получающий практически никакого лечения, имея несколько очагов воспаления в лёгких, гной, жидкость... Началось кровохаркание”.

“Барнаульский Минздрав, – пишет отчаявшаяся жена, – озабочен сейчас войнами с медиками. То с диагностическим центром из-за выплат, то с детской травматологией, которую дооптимизировали уже до того, что детей некуда складывать, а врачам халат переодеть негде... Но и, может быть, всё-таки кто-то начнёт лечить моего Олега и не даст осиротить четверых детишек? Что вы творите-то?”

Я связался с федеральным руководством Минздрава, и в ту же ночь человека перевели в палату интенсивной терапии краевой клинической больницы и начали лечить.

Последние новости: стало значительно лучше, идёт на поправку.

“Чуть его не потеряли”, – говорят родные.

Что тут скажешь...

Если речь идёт о вашей или вашего ближнего жизни, обращайтесь, не откладывая. Постараюсь быть “скорой помощью”.

Будем пробивать.

Итак, я написал про ужасное и будничное.

В Подмосковье врач погиб на передовой от коронавируса, но чиновники этого не признают.

И стал выбивать выплаты семье погибшего врача.

Удалось.

Со мной связалось руководство ФСС, выразив готовность решить все вопросы.

И вот – родным Корнусова сделаны выплаты. Одновременно стали выплачивать деньги заболевшим медработникам, хотя до этого им отказывали. Дочери погибшего врача и заведующий отделением благодарят.

На самом деле, благодарность тем, кто спасал жизни, жертвуя собой. И в очередной раз понятно, что заслоны преодолимы, и важно не молчать.

Поэтому, если вам или вашим близким не поступают положенные выплаты, пишите: shargunov@list.ru.

Будем выбивать.

Будем пробивать стены.